

О.В. Колосовский

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ НАЧАЛО ПОощРЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Аннотация. Проведен анализ различных аспектов принципа справедливости в уголовном праве с целью определения видов принципов уголовно-правового поощрения и установления их содержания. Методологическую основу исследования составили исторический и системный подходы, методы формальной логики (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также формально-догматический подход. Анализ литературы позволил сделать вывод о том, что существующие доктринальные представления в данной области требуют уточнения. В ходе проведенного исследования выявлены критерии валидности тех или иных основополагающих идей как принципов уголовно-правового поощрения. Предложен и обоснован авторский вариант расширения системы принципов уголовно-правового поощрения. Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при доктринальном толковании закона, а также при выработке концепции совершенствования законодательства.

Ключевые слова: уголовное право, принципы уголовно-правового поощрения, принцип справедливости, поощрение в праве, стимулы в праве.

O.V. Kolosovsky

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AS A UNIFICATION PRINCIPLE OF INCENTIVES IN CRIMINAL LAW

Abstract. The article presents an analysis of various aspects of the principle of justice in criminal law carried out in order to determine the types of principles of criminal-legal incentives and establish their content. The methodological basis of the study included historical and systematic approaches, methods of formal logic (analysis, synthesis, comparison, generalization), and the legal-dogmatic method. The literature review allowed us to conclude that the existing doctrinal ideas in this area require clarification. In the course of the study, the criteria for the validity of certain fundamental ideas as principles of criminal-legal incentives were identified. The article proposes and substantiates an author's version of expanding the system of principles of criminal-legal incentives. The practical significance of the work is that the results obtained can be used in the doctrinal interpretation of the law, as well as in the development of a concept for improving legislation.

Keywords: criminal law, principles of criminal-legal incentives, principle of justice, incentives in law, encouragement in law.

Тема справедливости с древних времен занимает умы философов и юристов, не утрачивая своей актуальности и в настоящее время. Практически необозримость данной темы в метафорической форме подметил С.С. Шушпанов, по выражению кото-

рого «поиск социальной справедливости напоминает метания по лабиринту, в котором есть только вход» [1, с. 3].

Выработкой общих ориентиров в указанном «лабиринте» занимаются исследователи иных отраслей научного знания,

Колосовский Олег Валерьевич

аспирант кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург. Сфера научных интересов: уголовное право, теория права. Автор трех опубликованных научных работ. ORCID: 0009-0002-7235-1814, SPIN-код: 3383-9023, AuthorID: 1187379. Электронный адрес: oleg.kolosovsky@mail.ru

обращение же к теме справедливости в настоящем исследовании преследует более скромную цель – внести вклад в восполнение недостаточности научной разработки видов принципов поощрения в уголовном праве.

В свою очередь, актуальность обращения к обозначенному поднаправлению исследований связана с тем, что именно адекватность государственного воздействия в виде применения мер уголовно-правового характера выступает одним из главных критериев, по которым государство может быть отнесено к разряду правовых. Представляется, что несправедливое применение репрессивных мер «с запасом» явным образом входит в конфликт с идеей о государстве, приоритетом которого является защита прав граждан.

Обозначенный тезис не является столь самоочевидным, как может показаться на первый взгляд. В частности, в литературе представлена концепция условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, в соответствии с которой данная мера может рассматриваться как способ «исправить ошибку при назначении наказания» с учетом того, что назначаемое судом наказание «опирается в определенной степени на прогноз необходимой достаточности для исправления, который может быть ошибочным» [2, с. 46].

Думается, что авторы обозначенной точки зрения недооценивают в предпринятом анализе свободу воли осужденного. В их

трактовке осужденный становится исключительно объектом государственно-властного воздействия, а суду отводится задача спрогнозировать достаточную для исправления меру данного воздействия – подобно тому, как профессиональный повар может спрогнозировать результат приготовления блюда, если заменить тот или иной компонент рецепта на другой.

В действительности осужденный никогда не лишен свободы выбора в своем поведении, в том числе и после осуждения. С этической точки зрения именно тот факт, что субъект осознанно выбирает общественно опасную модель поведения, обосновывает применение в отношении него мер государственного принуждения. По этой же причине, как замечено в научной литературе, общество не преследует животных или невменяемых лиц за их поведение: считается, что производитель действия в подобных ситуациях лишен способности осознанно выбирать, совершать или нет тот или иной поступок [3, р. 993].

Если субъект выбирает опасный для общества вариант действий один раз, он способен выбрать его и впоследствии, и не существует такого наказания, которое само по себе гарантированно привело бы к изменению поведения лица через заданный промежуток времени. В этом смысле сколь бы выверенным и профессиональным ни был прогноз суда относительно возможности исправления подсудимого, невозможно решить уравнение, одна из перемен-

Принцип справедливости как объединяющее начало поощрения
в уголовном праве

ных которого не определена (в отличие от ингредиентов рецептов в примере выше). Осужденный может выбрать как путь кооперации, осознав необходимость коррекции своего поведения, так и продолжить асоциальное поведение.

Как отмечал австрийский психолог и философ Виктор Франкл, «между стимулом и реакцией существует зазор. В этом зазоре заключена наша свобода и наша способность выбирать наш ответ» [4, р. VI]. Главным условием исправления человека как существа, обладающего свободой воли, является осознание им самим необходимости коррекции своего поведения. По данной причине первостепенное значение имеет не столько точный прогноз сроков и способа предполагаемого исправления, сколько система правовых средств и социальных механизмов, стимулирующих вышеуказанное осознание со стороны осужденного.

Представляет интерес точка зрения Ю.С. Жарикова, который отмечает, что государство «не вправе способствовать тому, чтобы жестокость преступника порождала в качестве обязательного элемента аналогичное чувство со стороны жертв – чувство возмездия» и приходит к заключению, что указание в законе на восстановление социальной справедливости в качестве цели наказания некорректно, тогда как более точно считать целью наказания «обеспечение, то есть создание условий социальной защиты» [5, с. 56]. В самом деле, представление о том, что наказание способно восстановить социальную справедливость, выглядит небесспорным по меньшей мере в отношении некоторых категорий преступных посягательств. Так, если преступление повлекло смерть потерпевшего, то сколь бы суровому воздействию ни подвергло бы виновного государство, утрата для близких погибшего является невоспол-

нимой, их законные интересы нарушаются столь существенно, что в принципе не могут быть в полной мере восстановлены. В то же время перед правопорядком в целом и уголовным правом в частности в любом случае стоит задача создать условия, при которых права и законные интересы граждан защищены, а их нарушение другими лицами будет приводить если не к полному их восстановлению, то во всяком случае к принятию государством мер по их защите.

Мотивы и интересы одного лица (обвиняемого), таким образом, сталкиваются с мотивами и целями потерпевшего, а также с общественными нуждами и целями, что актуализирует вопрос о принципах справедливого разрешения обозначенных противоречий. И если исходить из того, что социальная справедливость в субъективном смысле (понимаемая с позиции личных представлений потерпевшего о справедливости) не всегда в высокой степени коррелирует с общественными представлениями о рациональном, кроме того, ее реализация не всегда возможна в принципе, то можно обозначить следующие критерии валидности той или иной идеи в качестве принципа поощрения в уголовном праве: 1) присуща всем видам поощрения; 2) соответствует общественным интересам; 3) обеспечивает равенство всех перед законом, не давая чрезмерных преимуществ обвиняемому в ущерб цели защиты потерпевшего и общественного порядка.

К обозначенным критериям необходимо будет вернуться в ходе дальнейшего рассмотрения отдельных принципов поощрения в уголовном праве, однако прежде следует обозначить некоторые соображения методологического характера, которые не только отразились на выборе направления исследования, но и повлияли на полученные автором заключения.

Исследование опирается на статико-динамическую концепцию системы уголовно-правовых принципов (Т.Р. Сабитов), в которой статическая составляющая охватывает выраженные в позитивном праве обобщенные идеи, на которых основывается уголовное право, тогда как динамические уголовно-правовые принципы по своей природе не обусловлены обязательным закреплением в писаном праве, при этом подвидом динамических уголовно-правовых принципов выступают принципы поощрения в уголовном праве [6]. В рамках указанной концепции «круг динамических принципов определяется только на основе знания о статических принципах» [6, с. 156].

Фактически каждый из статических принципов уголовного права может выступать основой, из содержания которой могут быть логически выведены динамические принципы, и в частности принципы уголовного-правового поощрения. К числу статических в литературе отнесен и принцип справедливости [6, с. 290; 7, с. 63].

Изложенные соображения могут вызвать критику с той позиции, что если динамические принципы вытекают из принципа справедливости логически, то тогда можно поставить под сомнение их самостоятельную ценность. Учитывая данное возможное возражение, необходимо подчеркнуть, что принцип справедливости имеет высокую степень абстрактности, в связи с чем потенциал его применения к разрешению научных и общественных проблем не безграничен. Как справедливо замечено в литературе, «проблема заключается в том, что, начиная от Платона и заканчивая Дж. Ролзом, интерпретации понятия справедливости являются в высокой степени спекулятивными» [8, с. 477]. Данная проблема актуализирует разработку видов динамических уголовно-правовых

принципов и их содержания. По справедливому замечанию Д.А. Керимова, «юридическая абстракция есть логическая основа конкретного, своеобразный узловой пункт, в котором объединяются в строгой логической системе общие, наиболее характерные, существенные, главные признаки и специфические особенности правовых явлений и процессов» [9, с. 141]. Заслуженно поощрение может применяться в том случае, когда оно используется в объективном ключе, то есть базируется на определенных принципах (ср.: [10, с. 11]).

В научной литературе ранее уже предпринимались попытки систематизировать принципы уголовного-правового поощрения. Одним из первых данную научную задачу поставил Ю.В. Голик. Ученый выделил ряд идей в качестве принципов уголовного-правового поощрения: принципы выгоды, шанса, понятности, расчетов, борьбы мотивов, своевременности, информированности, экономии стимула, персонализации, соразмерности, гарантированности [10, с. 22–23]. Наиболее значимым вкладом Ю.В. Голика в разработку принципов уголовного-правового поощрения представляется выделение последних четырех из перечисленных идей. Остальные выделенные ученым принципы либо выглядят заведомо избыточными, либо вступают во внутреннее противоречие друг с другом, либо во взаимодействии между собой, если будут реализованы в уголовной политике, вовсе способны, как представляется, привести к опасному результату.

Так, принцип выгоды характеризует случайный для поощрения признак: «поощрение должно быть выгодно данному человеку» [10, с. 22].

Проблема с данным признаком заключается в том, что выгоднее всего человеку было бы вовсе не нарушать уголовный запрет и не ставить себя тем самым в то

Принцип справедливости как объединяющее начало поощрения
в уголовном праве

положение, в котором благоприятным исходом становится полное или частичное устранение обязанности претерпевать неблагоприятные последствия, которые назначены или могут быть назначены за содеянное. В психологической литературе отмечено, что системы ценностных ориентаций законопослушных граждан и осужденных за совершение преступлений различаются [11; 12]. У лиц, осужденных за преступления, искажены ценностные ориентации. Это может проявляться в том числе и в оценке человеком тех или иных сценариев как выгодных или невыгодных для себя.

Оценочное отношение к чему-либо, свойственное законопослушным гражданам, может вследствие искажения ценностных ориентаций приобретать иную направленность, вплоть до диаметрально противоположной. В частности, социологической науке известен феномен, суть которого сводится к тому, что субъект в ряде случаев не только не опасается вновь попасть в места лишения свободы, но и, напротив, стремится вновь оказаться там после повторного совершения преступления (см., напр.: [13, с. 25]). Причины данного явления носят комплексный характер, и было бы некорректно полностью исключать влияние общества и готовность либо неготовность его институтов содействовать ресоциализации гражданина, отбывшего наказание, однако данный аспект заслуживает отдельного научного исследования. Парадоксальным образом то, что для здравомыслящего законопослушного человека является максимально невыгодным, для лица с измененными ценностными ориентациями может восприниматься как выгодное, и наоборот.

Справедливости ради необходимо отметить, что данное обстоятельство не осталось незамеченным Ю.В. Голиком,

поскольку ученый допускает условно-досрочное освобождение вопреки воле освобождаемого лица, именуя подобные ситуации «насильным поощрением» и полагая, что даже подобное принудительное стимулирование (при наличии к тому оснований) необходимо, а обратное противоречило бы принципам справедливости и законности [10, с. 20]. Но настаивая на возможности осознанного противления поощряемого положительному стимулу, Ю.В. Голик тем самым опровергает тезис о том, что выгодность для поощряемого является объединяющим началом уголовно-правового поощрения.

Таким образом, достижение лицом личной выгоды, понимаемой в субъективном смысле, нельзя считать принципом, на котором должно базироваться поощрение в уголовном праве. Более корректным видится соотносить принятие решения о возможности применения поощрения не к выгодности в субъективном восприятии лица, а к объективному расширению у поощряемого возможностей по достижению им интересов, свойственных для члена общества с развитым правосознанием. С точки зрения справедливости для правопорядка должно иметь значение не то, чтобы осужденный достиг своих эгоистических интересов, а то, чтобы направленность этих интересов скорректировалась в том направлении, которое характерно для законопослушного гражданина, способного и стремящегося к кооперации и полной интеграции в общество.

С учетом изложенного представляется уместным выделить *принцип разумной полезности поощрения*, под которым следует понимать то, что применение поощрения в уголовном праве объективно расширяет для поощряемого возможности по достижению им интересов, свойственных субъекту общественных отношений с раз-

витым правосознанием. Можно ли в индивидуальном случае лицо в полной мере считать таковым или нет – вопрос, требующий отдельного рассмотрения на основе характеризующих лицо материалов и с учетом остальных принципов уголовно-правового поощрения. В отличие от «принципа выгоды» предлагаемый принцип отвечает всем критериям валидности, обозначенным ранее в настоящей работе:

- 1) свойственен для всех видов поощрения;
- 2) соответствует общественным интересам, не наделяя избыточным значением соображения личной выгоды поощряемого;
- 3) способствует обеспечению равенства всех перед законом, не давая чрезмерных преимуществ обвиняемому (осужденному), но при этом признавая за ним право на стремление к интеграции (реинтеграции) в общество и его свободу стремиться к реализации интересов, не противоречащих задачам правопорядка.

Стоит заметить также, что практическая реализация принципа выгоды в сочетании с принципом гарантированности уголовно-правового поощрения и вовсе способна приводить к отрицательному результату, когда лицо совершает преступление, изначально прогнозируя для себя в дальнейшем гарантированное смягчение своего положения вследствие расчета, то есть исключительно из соображений личной выгоды, не прилагая усилий к исправлению, а точнее, лишь демонстрируя видимость таковых. Неслучайно в литературе отмечено, что применение условно-досрочного освобождения от наказания выступает «проявлением доверия государства в лице администрации исправительного учреждения и суда, что они не совершат повторного преступления» [14, с. 35–36]. Фактически принципы уголовно-правового поощрения призваны очерчивать пределы, в которых проявление та-

кого рода доверия является уместным – как *de lege lata*, так и *de lege ferenda* (хотя только к этому их функция не сводится, поскольку позитивное поведение в уголовном праве не сводится только к посткриминальному, что будет рассмотрено ниже). «Принцип выгоды», таким образом, не только не способствует решению данной задачи, но и, как было показано выше, даже является контрпродуктивным в этом отношении.

По-видимому, стремясь нивелировать указанную проблему, Ю.В. Голик предложил включить в число принципов уголовно-правового поощрения принцип шанса, который ученый трактует таким образом, что субъект должен иметь возможность получить стимул, но вероятность получения не должна быть «слишком высокой, чтобы не снизить активность (“всё равно дадут”)» [10, с. 22]». Указанное, однако, не спасает положения в силу того обстоятельства, что принцип шанса в изложенном понимании и принцип гарантированности поощрения логически взаимно исключают друг друга. Слово «шанс» в русском языке означает «вероятную возможность осуществления чего-нибудь» [15, с. 791], тогда как гарантированность по своей сути указывает не на вероятность, а на предопределенность возникновения события при наступлении всех детерминирующих его наступление условий.

Ещё Аристотель отмечал, что «реальная действительность и лучше и ценнее, нежели имеющаяся способность к благу» [16, с. 247]. Лицо, продемонстрировавшее позитивную направленность в поведении, нуждается в реальном, а не потенциальном поощрении. Особенно остро данный вопрос встает в том случае, когда уголовный закон не расценивает содеянное как преступление, однако имеется угроза наступления неблагоприятных последствий для лица в силу совершения им деяния,

Принцип справедливости как объединяющее начало поощрения
в уголовном праве

внешне сходного с преступлением. Позитивное поведение в уголовном праве не ограничивается рамками только посткриминального поведения, что признает и сам Ю.В. Голик, отмечая, что существует группа действий, которые человек «мог совершить, но мог и не совершить». Выбирая первый из указанных вариантов поведения, субъект проявляет активную жизненную позицию, что «в определенных случаях должно обязательно поощряться, в том числе и средствами уголовного права. Речь, в частности, идет о необходимой обороне и задержании преступника» [10, с. 21].

Отказ от поощрения в данных случаях и привлечение таких лиц к уголовной ответственности на общих основаниях не только противоречили бы принципу справедливости, но и имели бы явно негативные практические последствия. Противодействуя преступнику, человек так или иначе идет на риск, и он должен быть уверен, что его позитивное поведение получит надлежащую оценку, а не надеяться на некий «шанс», в противном случае у него будет серьезное основание опасаться вступить в защиту других лиц и общественного порядка. Аналогичные соображения можно отнести и к правилам об обоснованном риске: вряд ли наличие неопределенного шанса на поощрение усилий будет способствовать, к примеру, приращению научного знания вследствие проведения экспериментов, несущих в себе риски, которые может быть трудно до конца спрогнозировать даже при принятии должных мер предосторожности. Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что «принцип шанса» не свойственен для всех видов поощрения, то есть не соответствует одному из обозначенных выше критериев валидности.

Та заявленная цель, с которой связывается «принцип шанса», достигается иным

способом – сдержанным характером поощрения в уголовном праве, которое, во-первых, максимум способно устранить возможные неблагоприятные последствия, но не создать для поощряемого новые блага, которыми он не обладал до применения к нему мер уголовной репрессии или возникновения угрозы такого применения. Последнее может быть характерным для других отраслей права (например, для трудового права), но специфика метода уголовно-правового регулирования иная. Во-вторых, сдержанность поощрения проявляется в том, что неблагоприятные последствия для поощряемого далеко не всегда устраняются полностью, как, например, при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, при котором сохраняются ограничения в правах, но степень ограничений снижается. Принцип сдержанности уголовно-правового поощрения и два указанных его аспекта были ранее выделены Т.Р. Сабитовым [6]. Обозначенный принцип близок по содержанию к принципу экономии стимула в терминологии Ю.В. Голика, однако последний вариант наименования представляется менее точным, поскольку высшая степень экономии – это полный отказ от расходования ресурса, в данном случае – отказ от поощрения, что представляет по меньшей мере внешнее сходство принципа в такой редакции с «принципом шанса», в силу чего вызывает возражения.

Представляется, что система принципов уголовно-правового поощрения останется неполной без рассмотрения юридического основания поощрения и его этической основы.

Этической предпосылкой, обосновывающей применение уголовно-правового поощрения, выступает то обстоятельство, что если лицо добросовестно и последовательно реализует возложенные на него

законом обязанности, а также выходит за пределы прямо вмененных ему правопорядком обязанностей, проявляя инициативу и стремясь к кооперации с другими членами общества, если его поведение демонстрирует устойчивое негативное отношение к нарушению закона, то было бы несправедливым оставить данные обстоятельства без правовой оценки. В теории права отмечается, что «сам факт реализации лицом норм закона можно расценивать как признание им абстрактной воли закона в качестве своей воли и присвоение им той абстрактной связи, которая заложена в законодательном акте. Лицо, осуществляя правовой закон, признает тем самым его легитимность, а также подтверждает и принимает как лично им сформированную связь ту, которая определена законом» [17, с. 77]. Существование указанной связи как этической предпосылки поощрения позволяет выделить *принцип соотносимости с благом*, под которым следует понимать необходимость применения поощрительных мер только в том случае, если поведение поощряемого соответствует по меньшей мере одному из тех благ, ради защиты которого был установлен уголовно-правовой запрет, нарушение которого (или совершение деяния, внешне сходного с нарушением уголовно-правового запрета) может служить или послужило основанием для применения мер уголовной репрессии в отношении лица. Такой результат достигается либо при его исправлении, либо при принятии им на себя риска позитивного поведения в иных предусмотренным уголовным законом случаях (задержание правонарушителя, обоснованный риск и т. д.)

Отсутствие определенности в том, что устойчиво позитивная направленность поведения получит должную оценку со стороны правопорядка, создает риск того, что

мотивация субъекта к позитивному поведению снизится. Даже если изначально человеком движала внутренняя мотивация (стремление к позитивному поведению из соображений по внутреннему убеждению), а не внешняя (желание получить поощрение), длительное отсутствие заслуженного поощрения способно отрицательно отразиться на убеждениях человека, подорвать его веру в справедливость общественного устройства, что в итоге отразится и на его поведении. Учитывать мотивацию поощряемого лица необходимо, однако выделение борьбы мотивов в качестве самостоятельного принципа поощрения в уголовном праве выглядит сомнительным решением, поскольку указанный аспект характеризует психологические процессы, имеющие место у человека, который потенциально может быть поощрен с помощью правовых средств, но не дает ориентиров относительно того, в каких случаях данное поощрение целесообразно. Следовательно, «принцип борьбы мотивов» не справляется с функцией принципа уголовно-правового поощрения. Аналогичные возражения вызывают выделенные Ю.В. Голиком принципы расчетов и информированности, которые характеризуют интеллектуальные процессы человека, который может быть поощрен, но не дают оснований для вывода о том, следует или нет применять к нему поощрительные меры.

Принцип своевременности представляет интерес, однако думается, что своевременность характеризует один из аспектов гарантированности, ведь если поощрение явно запоздало, то не соблюдается принцип гарантированности уголовно-правового поощрения. В силу чего самостоятельное значение принципа своевременности видится дискуссионным.

Завершая рассмотрение круга принципов уголовно-правового поощрения, необхо-

Принцип справедливости как объединяющее начало поощрения
в уголовном праве

димо отметить, что важнейшим следствием принципа справедливости, его процессуальным выражением выступает принцип презумпции невиновности. Как основание наступления уголовной ответственности связывается в действующем законодательстве с совершением деяния, содержащего все признаки состава преступления, так и основание поощрения должно быть связано с фактическим совершением некоего деяния, к совершению которого причастно лицо. Данную основополагающую идею можно обозначить как *принцип причастной детерминированности*.

Значимость данного принципа связана с тем обстоятельством, что волеизъявление на прекращение уголовного дела по реабилитирующему основанию может быть вызвано давлением или иными обстоятельствами, позволяющими поставить под сомнение его добровольность и осознанность. При возникновении данных обстоятельств возникает риск судебной ошибки, которая может заключаться в применении поощрительных мер за положительное посткриминальное поведение в ситуации, в которой преступления не было вовсе (мнимое «преступление», в действительности представляющее собой оговор со стороны потерпевшего) либо в которой именно это лицо к нему не причастно. Во избежание искажения сути поощрения

в уголовном праве и видится необходимым рассматривать в системе принципов уголовно-правового поощрения принцип причастной детерминированности.

Проведенное исследование позволяет отметить следующее в качестве выводов. Сформулированы критерии валидности той или иной идеи в качестве принципа поощрения в уголовном праве: 1) присуща всем видам поощрения; 2) соответствует общественным интересам; 3) обеспечивает равенство всех перед законом, не давая чрезмерных преимуществ обвиняемому в ущерб целям уголовного закона. Одна из функций принципов уголовно-правового поощрения состоит в том, чтобы очерчивать пределы, в которых является уместным проявление доверия к тому, что лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, не нарушит его вновь. Вторая их функция в том, чтобы поощрить принятие субъектом на себя риска позитивного поведения в предусмотренным уголовным законом случаях, в которых исключается преступность деяния.

На основе знания о статическом принципе справедливости можно обозначить следующие принципы уголовно-правового поощрения, ранее не выделявшиеся в доктрине уголовного права: разумной полезности поощрения, соотносимости с благом, причастной детерминированности.

Литература

1. Шушпанов С.С. Социальная справедливость: теоретическое конструирование, российская политическая практика : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. Волгоград, 2015.
2. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб. Юрид. центр Пресс, 2003. 298 с. ISBN 5-94201-126-5.
3. Daly S. Free Will Is No Bargain: How Misunderstanding Human Behavior Negatively Influences Our Criminal Justice System. *Nevada Law Journal*. 2015. Vol. 15. No. 5. Article 21. URL: <https://scholars.law.unlv.edu/nlj/vol15/iss2/21> (дата обращения: 27.08.2024).
4. Pattakos A. Prisoners of Our Thoughts: Viktor Frankl's Principles for Discovering Meaning in Life and Work. 2nd edition. Berrett-Koehler Publishers, 2010. 236 p. ISBN 1605095249.

5. Жариков Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации. М. : Юриспруденция, 2009. 210 с. ISBN 978-5-9516-0430-9.
6. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2019. 421 с. EDN DYOUTA.
7. Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве: проблемы реализации в законодательстве и правоприменительной практике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Волгоград, 2022. 200 с. EDN LRNPOD.
8. Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Обоснования принятия решений будущими российскими юристами в условиях ценностно-нормативной неопределенности: *aequitas sequitur legem?* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3 (163). С. 472–491. EDN: SAYYIP. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1885
9. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта, 2001. 560 с. ISBN 5-89501-038-5.
10. Голик Ю.В. Позитивные стимулы в уголовном праве (понятие, содержание, перспективы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 1994. 56 с.
11. Истомина А.А. Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.06. Рязань, 2011. 26 с.
12. Истомина А.А. Система ценностных ориентаций осужденных к лишению свободы : монография. Псков : Псковский филиал Академии ФСИН России, 2015. 202 с. ISBN 978-5-91748-022-0.
13. Еремеева А.А. Пенитенциарная социальная работа по восстановлению, поддержанию и укреплению социальных связей осужденных : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Нижний Новгород, 2022. 34 с.
14. Дебольский М.Г. Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении осужденных // Психология и право. 2014. № 1. С. 35–49. EDN SCOTGZ.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. М. : Русский язык, 1981. 816 с.
16. Аристотель С. Метафизика / Пер. с греч. А.В. Кубицкого. М. : Эксмо, 2006. 604 с. ISBN 5-699-14748-9.
17. Архипов С.И. Субъект права как многоаспектное явление. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 466 с. ISBN 5-94201-393-4.

References

1. Shushpanov S.S. (2015) *Sotsial'naya spravedlivost': teoreticheskoe konstruirovaniye, rossiiskaya politicheskaya praktika* [Social justice: Theoretical construction, Russian political practice] : Cand. Sci. Diss. (Political) : 23.00.02. Volgograd. (In Russian).
2. Kruglikov L.L., Vasilievsky A.V. (2003) *Differentsiatsiya otvetstvennosti v ugovnom prave* [Differentiation of responsibility in criminal law]. St. Petersburg : Legal centre Press. 298 с. ISBN 5-94201-126-5. (In Russian).
3. Daly S. (2015) Free Will Is No Bargain: How Misunderstanding Human Behavior Negatively Influences Our Criminal Justice System. *Nevada Law Journal*. Vol. 15. No. 5. Article 21. URL: <https://scholars.law.unlv.edu/nlj/vol15/iss2/21> (accessed 27.08.2024).
4. Pattakos A. (2010) *Prisoners of Our Thoughts: Viktor Frankl's Principles for Discovering Meaning in Life and Work*. 2nd edition. Berrett-Koehler Publishers. 236 p. ISBN 1605095249.
5. Zharikov Yu.S. (2009) *Ugolovno-pravovoe regulirovaniye i mekhanizmy ego realizatsii* [Criminal-legal regulation and the mechanism of its implementation]. Moscow : Yurisprudentsiya Publ. 210 p. ISBN 978-5-9516-0430-9. (In Russian).

Принцип справедливости как объединяющее начало поощрения
в уголовном праве

6. Sabitov T.R. (2019) *Ugolovno-pravovye printsipy: ponyatie, sistema i vidy* [Criminal-legal principles: Concept, system and types] : Dr. Sci. Diss. (Law) : 12.00.08. Ekaterinburg. 421 p. (In Russian).
7. Niftalieva I.A. (2022) *Printsip spravedlivosti v ugovnom prave: problemy realizatsii v zakonodatel'stve i pravoprimeritel'noi praktike* [The principle of justice in criminal law: Problems of implementation in legislation and law enforcement practice] : Cand. Sci. Diss. (Law) : 12.00.08. Volgograd. 200 p. (In Russian).
8. Ushkin S.G., Koval E.A. (2021) Justifications for decision-making by future Russian lawyers in the context of value-normative uncertainty: *aequitas sequitur legem? Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3 (163). Pp. 472–491. DOI: 10.14515/monitoring.2021.3.1885 (In Russian).
9. Kerimov D.A. (2001) *Metodologiya prava (predmet, funktsii, problemy filosofii prava)* [Methodology of law (subject, functions, problems of the philosophy of law)]. 2nd edition. Moscow : Avanta Publ. 560 c. ISBN 5-89501-038-5. (In Russian).
10. Golik Yu.V. (1994) *Pozitivnye stimuly v ugovnom prave (ponyatie, sodержание, perspektivy)* [Positive incentives in criminal law (concept, content, prospects)] : Dr. Sci. Diss. Abstract (Law) : 12.00.08. Moscow. 56 p. (In Russian).
11. Istomin A.A. (2011) *Sistema tsennostnykh orientatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [The system of value orientations of persons sentenced to imprisonment] : Cand. Sci. Diss. Abstract (Psychology) : 19.00.06. Ryazan. 26 p. (In Russian).
12. Istomin A.A. (2015) *Sistema tsennostnykh orientatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [The system of value orientations of persons sentenced to imprisonment] : Monograph. Pskov : Pskov branch of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia Publ. 202 c. ISBN 978-5-91748-022-0. (In Russian).
13. Eremeeva A.A. (2022) *Penitentsiarnaya sotsial'naya rabota po vosstanovleniyu, podderzhaniyu i ukrepleniyu sotsial'nykh svyazei osuzhdennykh* [Penitentiary social work to restore, maintain and strengthen social ties of convicts] : Cand. Sci. Diss. Abstract (Sociology) : 22.00.04. Nizhny Novgorod. 34 p. (In Russian).
14. Debolsky M.G. (2014) The problem of crime repetition risk after early release on parole. *Psychology and Law*. No. 1. Pp. 35–49. (In Russian).
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (Ed) (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 13th edition. Moscow : Russkiy yazyk Publ. 816 p. (In Russian).
16. Aristotle S. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Transl. from Greek by A.V. Kubitsky. Moscow : Eksmo Publ. 604 p. ISBN 5-699-14748-9. (In Russian).
17. Arkhipov S.I. (2004) *Sub'ekt prava kak mnogoaspektnoe yavlenie* [Subject of law as a multi-aspect phenomenon]. St. Petersburg : Legal Center Press. 466 p. ISBN 5-94201-393-4. (In Russian).